

МИКРОСОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ДЕВИАЦИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ И ИДЕОЛОГЕМЫ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

© 2012 В.В. Зинченко (Киев)

В статье исследуются процессы общественных трансформаций и социальной интеграции в современных развитых индустриальных системах. Анализируются мировоззренческие, экономические, политические тенденции и перспективы и формы их последующего развития. Исследуются предпосылки системного кризиса существующих форм индустриальной общественной модели, явления кризиса легитимации и мотивационного кризиса.

Ключевые слова: микросоциальные изменения, социальная трансформация, кризис, интеграция, модели развития

MICROSOCIAL DIMENSION OF INSTITIONAL DEVIANCY OF SOCIETY DEVELOPMENT AND IDEOLOGEMES UNCOSCIOUS

© 2012 V.V. Zinchenko (Kiev)

In the article the processes of public transformations and social integration are probed in the modern developed industrial systems. World view, economic, political tendencies and prospects and forms of their subsequent development are analysed. Study the prerequisites of a systemic crisis of the existing forms of industrial model of society, the phenomenon of crisis legitimation and motivational crisis.

Key words: microsocal changes, social transformation, crisis, integration, models of development

Технический и культурный прогресс может сопровождаться или усилением репрессивного давления государства, которое приводит к росту общего объема инстинктивной агрессивной энергии, или длительной десублимацией, которая не дает возможность человеку и человечеству вернуться к архаичным и примитивным уровням, предоставляя возможность перехода к менее репрессивной форме цивилизации. Это становится заметным в процессе смягчения борьбы за существование, в росте гуманизированных потребностей и нерепрессивных влечений. Этот процесс можно наблюдать в трансформировании явления *господства* (репрессивного угнетения политико-экономическими институтами государства или общества свободы человека). Его можно рассматривать как **нейтральный феномен**, характерный для всех развитых стран мира. «Явным политическим выражением нейтрализации господства является возрастающая в развитых странах похожесть политических партий, которые раньше находились в оппозиции друг к другу, в стратегии, целях, унификации политического языка и политических символов» [6, s.149].

В современных общественных системах проявляются черты *позднеиндустриальной цивилизации*: централизация и регламентирование приходят на смену индивидуальной экономике и автономии, конкуренция организовывается и рационализируется; существует общее господство экономической и политической бюрократии; население унифицируется и мышление его стандартизируется с помощью средств массовой коммуникации, индустрии развлечений и воспитания. Если эти средства оказываются эффективными, тогда становится возможным для общественного управления гарантировать в юридическо-конституционных установлениях демократические права и институты, без опасности их использования против господствующей системы.

На высокой ступени индустриализации технология и техника, которые применяются в экономических процессах, еще более, чем когда-либо прежде, становятся инструментами социального и политического контроля.

Удовлетворение материальных и духовных потребностей осуществляется с помощью научной организации труда и научного руководства предприятиями, научного определения действий и образцов поведения, которые становятся эффективными вне процессов труда и преформируют индивидов согласно господствующим общественным интересам. В развитом индустриальном обществе эта преформация является рациональной в полном смысле, то есть она проявляется как манифестация технологической необходимости и самой производительности; она сопровождается ростом комфорта и жизненного уровня населения. И с ростом технического прогресса возникают ощутимые преимущества, общество может полагаться на мощь экономического аппарата и в обычных условиях не применять насильственные средства для принуждения и подчинения.

Капитализированная индустриальная система общества трансформируется в результате собственных потенциальных возможностей; отсюда и сопротивление господствующих сил и институтов, их противодействие проявлению объективных возможностей, которые являются присущими технико-производственному прогрессу, который обеспечивает их власть [12, s.20]. Технический прогресс идет своим путем, однако моделируется и направляется, контролируется и отклоняется с учетом его веса как политического господства. Освобождающие социально-психические потенции подавляются и сознательно увековечивается существующая система в качестве «естественно необходимой». «Необходимо напомнить мнение Маркса, что естественные законы общества являются выражением слепых и иррациональных процессов капиталистического производства, социалистическая революция должна обеспечить эмансипацию от данных законов. В противовес этому, ревизионисты считали, что общественные законы являются естественными законами, которые гарантируют необратимое развитие к социализму» [10, s.117].

Для *раннего капитализма* основной движущей силой, которая порождает общественно-психологические изменения и сдвиги, является

экономический кризис, выраженный в борьбе труда и капитала. В
20

раннекапиталистическом социуме участие в формировании общественной мысли является недостаточно распространенной привилегией, поэтому экономические отношения и классовая структура фактически определяют уровень и характер развития общественного сознания. Развитие общества определило сдвиг акцентов из экономической на другие сферы социальной системы. Ответом на экономический кризис стал рост государственного вмешательства в экономику, возрастание уровня государственной «интервенции» в стремлении избежать этих кризисов, что увеличило силу и значение государства.

Индустриально развитый «*поздний капитализм*» характеризуется государственной регуляцией не только экономики, но и других сфер общественной жизни. Постоянное расширение государственных полномочий в противовес обществу, перенесение на государство негосударственных функций, на экономическом уровне приводит к определенным кризисам, причиной которых является неспособность государства примирить разные, в том числе конфликтные, интересы частного капитала, иррациональность которого не способствует солидаризации организованного общества. На уровне социальной интеграции это проявляется в «*кризисе легитимации*» [3, s.105].

Если государство неспособно предложить стратегию примирения конфликтных интересов, которыми стремится руководить, то оно теряет легитимность в глазах населения и оправдание его существования является достаточно проблематичным для большинства слоев населения. Выходом из этого кризиса является интеграция основных социальных и классовых интересов в господствующую идеологическую систему, обеспечение за счет индустриального производства и технологического развития роста материального благосостояния и уровня общественного потребления, достижения равномерного распределения общественного продукта. Гигантское развитие производства в современном мире, научно-технический прогресс, который трансформирует психо-биологическую природу человека, использование в этих условиях административной манипуляции общественным поведением человека рассматриваются социально ориентированным психоанализом в качестве борьбы между инстинктом к жизненному плодотворному развитию, к творческой свободе (Эросом) и разрушительным инстинктом к агрессии, разрушению (Танатосом). В отличие от психоанализа Фрейда, эта борьба современной социальной и психосоциальной аналитикой (особенно неомарксистской), не рассматривается как вечная и неминуемая [14,15]. Антагонистические отношения господства одних социальных групп над другими вызваны не столько научно-техническим прогрессом, сколько специфической общественной формой организации труда и существующих социальных, политико-экономических отношений. Практика исследования человеческой психики, особенно в период значительных социальных потрясений,

свидетельствует о том, что корни патологических отклонений в поведении людей находятся чаще всего в их социальном окружении [8, p.214].

21

Политико-экономические, мировоззренческие, технологические трансформации общества всегда являются социальной революцией, в какой бы форме она не происходила. Однако она всегда будет безуспешной, если не обеспечить сдвиг в массовом сознании, в моделях индивидуальной и общественной культуры. Доминирование, господство и подчинение в общественных и межчеловеческих отношениях обязательно порождают репрессивное сознание и конфликтно-агрессивное бессознательное в индивидуальной и массовой психике, примитивизирует витальные влечения человека. В индустриально развитом, а тем более в «переходном», транзитивном обществе, индивид становится объектом тотального администрирования, удовлетворяя свои потребности лишь как некий объект манипуляции со стороны государства.

В результате формируется «одномерная структура человеческого существования и мышления» [10, s.16] чей протест против разных форм социального и психического отчуждения не имеет оппозиционного характера. Эта «одномерная структура» не только вынуждает человека к четко определенному типу поведения, производя соответствующую разновидность сознания, но и формирует однотипные физиологичные реакции, потребности и влечения. Возникает регрессия ментальной активности к ее примитивным формам, формируются конформистские стереотипы поведения. Следствием этого является высвобождение деструктивной энергии биологических агрессивных инстинктов, которые играют значительную роль в социальной, экономической и политической жизни современных индустриальных обществ.

В связи с этим необходимо различать понятия « *ис их ол ог ич ес ки н ео со зн ан но е* » и « *ид ео ло ги че ск и б ес со зн ат ел ьн ое* ». Такое различие основывается на теории *товарного фетишизма*: реальные социальные отношения между людьми приобретают фантастическую иллюзорную форму отношений между вещами. **И де ол ог ич ес киб ес со зн ат ел ьн ое**—это сфера

ошибочного сознания, которое порождает иллюзорные, мнимые представления об истинных исторически-общественных и межиндивидных отношениях. Оно отображает именно отсутствие знания у человека о настоящих, реальных причинах общественного развития, а, следовательно, является тождественной основой существования ошибочных, мнимых, иллюзорных представлений, желаний, стремлений.

В наших переживаниях всегда присутствуют элементы, которые не осознаются и которые являются деформированными, неадекватно отображая внешний реальный мир, вытесняясь из сферы сознания (оговорки, сновидения, ошибочные действия и тому подобное). Однако под этими деформациями часто оказывается другая реальность. Сосуществуют две взаимодействующих сферы: одна из них —та история, которая отображается

в современности, в сознательно пережитых фактах, биографии; другая — история неосознанная, бессознательная, вытесненная, но которая постоянно проникает в современное. Незнание, погрешности — это вытеснения, которые возникают в результате взаимодействия этих двух историй:

22

осознанной и неосознанной, бессознательной. Психоанализ подтверждает идею Маркса о том, что «сознание», то есть представление, цели влечений, моральные идеологии и тому подобное, обуславливаются общественным бытием. Экономическая структура общества не прямо и непосредственно влияет на идеологическую систему, а через опосредствованные социально-психологические факторы, через отношения в семье и тому подобное. В то же время существует обратное активное влияние психологического фактора на экономический базис общества. Экономические отношения обнаруживают экзистенциальные отношения между людьми. Поэтому является важным вопрос о необходимости изменений в характере социальной деятельности и труда для устранения отчуждения человека.

Психоаналитическая социальная теория является, в этом случае, с одной стороны, психологической частью социально-политической и экономической науки, а с другой — предоставляет возможность понять скрытую сущность определенных решающих тенденций в современной экономике и политике. Неомарксистский психоанализ концентрирует внимание на теме человеческого одиночества и отчуждения между людьми, обнаруживая тяжелое расстройство и психологическую деформацию личности в период «раннего», «переходного» и «позднего капитализма» [5, р.64]. Деятельность, стремление и влечения людей в товарно-фетишизированных общественных отношениях обнаруживают бессознательное стремление скрыть дискомфорт, вызванный «свертыванием» личного Я, сужением сферы личных интересов, исчезновением тождественности с самим собой в результате внешне навязанных идеологий. «Антенна на каждом доме, приемник на каждом пляже, музыкальный центр в барах и ресторанах, — во всем этом можно услышать крик отчаяния: не остаться бы одному, не оторваться от большинства, не оказаться обреченным на ненависть, на бесплодные мечты о собственном Я. Этот крик подхватывается из толпы, и даже те, кто не имеет или хочет собственного Я, являются осужденными» [11, s.92].

Культура сводится к уровню коммерческих стандартов, культурные ценности стали предметом покупки-продажи, идеологической манипуляции, и те из них, которые не способны обеспечить прибыль, разрушаются; жизнедеятельность человека стала чужой и фальшивой относительно его естественных потребностей. Она превращается в определенные стандарты, которые создаются и навязываются чужой, отчужденной внеличной средой. Проблема влияния языка на самоотношение субъекта принимает форму вопроса о том, какие отношения между неосознанием “Я” своих желаний, которые касаются отношения субъекта к своему телу, и незнанием идеологического характера, которое является связанным с отношением

субъекта к общественному бытию.

Изменения в формах собственности на средства производства является значительными факторами индивидуального и общественного развития, однако сами по себе они еще ничего не решают, если не используются для развития и удовлетворения свободы мышления индивидов. В этом случае

23
они просто сведутся к новой форме подчинения людей, их психики и поведения. В индустриальном обществе психика человека отличается значительной общественной пассивностью и ориентацией на ценности рынка, человек исполняет в первую очередь социальную роль *потребителя*. Другой ролью является *роль торговца*, которая выходит за пределы экономической подсистемы. Сам человек превратился в товар и рассматривает свою жизнь как капитал, который необходимо выгодно вложить. Если он этого достиг, его жизнь имеет смысл, а если нет – он неудачник. Его ценность определяется *спросом*, а не человеческими качествами. Поэтому его психологическая и социальная самооценка зависит от внешних факторов, обусловленных рыночной потребительской ориентацией общественного управления. Принципы потребительства и всеобщей производственности пропагандируются господствующими идеологемами как самый приемлемый для человека «принцип реальности», закладываются в фундамент социально-этических систем. Следствием является *потребление как идеал жизни*; у человека нет потребности развивать свое уникальное «Я», поскольку идеалом является личность как система удовлетворенных желаний, которые постоянно стимулируются и направляются экономико-политической и идеологической системами. Внутренняя пассивность человека в индустриальном обществе – её характерная и патологическая черта, которая приводит к добровольному самоподчинению господствующим идеологемам и конформизму, ощущению недостаточности в накоплении и потреблении предлагаемых благ, что в дальнейшем приводит к хронической депрессивности.

На этом фоне растет разрыв между церебрально-интеллектуальной функцией и аффективно-эмоциональными переживаниями, между мыслью и чувством, разумом и страстями. Разум возникает из сочетания рациональной мысли и чувства. Если эти две функции являются разорванными, мышление деградирует к шизоидной интеллектуальной деятельности, а чувства превращаются в невротичные влечения и желания. Разрушение и разрыв между мыслью и аффектом приводит к хронической шизофрении в социальных ориентациях и психических восприятиях.

Неминуемый рост потребительской психо-социальной ориентации в этом случае перемещается в культурную сферу – как явление «*мотивационного кризиса*». Это кризис человеческой мотивации, заинтересованности человека в социальной системе как таковой. Он происходит на уровне социальной интеграции, вызванный ростом власти государства и технократического контроля, которые являются необходимыми для управления экономическими и легитимационными

кризисами. Труд становится всё более рутинным и бюрократическим. Властное бюрократическое государство подавляет возможность полезного участия человека в процессе принятия решений, разрушая сущность демократических институций.

Все репрессивные тенденции обнаруживают свою неразрывную связь с формами господства и угнетения, которые имеют классовую природу и 24

уменьшают свое влияние в условиях межклассовой интеграции и конвергенции. Однако в связи с тем, что следствием извращенной компенсации за постоянные отказы человека от самореализации своей личности, угнетения своего собственного «Я» с помощью репрессивной культуры, у него возникает готовность и склонность угнетать. Это обстоятельство обусловило судьбу всех социальных революций против репрессивных обществ и их культуры.

Даже после успешной социальной и экономико-политической революции, эволюционных трансформаций, у победителей возникает осознание необходимости господства на «более высшей ступени», и революция испытывает поражение в момент победоноснейшего триумфа – господство возобновляется и развивается дальше: «Нет ли рядом с исторически общественным термидором, который оказывается во всех революциях прошлого, также психического термидора; возможно, революции не только внешне уничтожаются, возвращаются вспять и возводятся в ничто; предположительно, что в самих индивидах действует динамика, которая внутренне отрицает возможное освобождение и удовольствие?» [7, s.47].

Дело в том, что капитализированное общество вместе с соответствующей ему материально-духовной культурой настолько глубоко проникает в структуру витальных потребностей человека, в сферу бессознательной психической жизни, что человек формирует его внутреннее подобие, проводя борьбу против свободы в угоду господствующей системе; блокируя естественное влечение к ней. Модернизация производства и социального управления в современном «позднекапиталистическом», «постиндустриальном» обществе способствует ненасильственной («толерантной») борьбе с проявлениями протеста против производственного отчужденного труда («принципа производства»), отоваривания личности (общественного фетишизма), всеобъемлющего засилия бюрократизированной власти («дополнительного угнетения» и «сверхугнетения»). В связи с этим на ментальном уровне человека происходит расщепление психоэмоциональной сферы на репрессивный разум и бессознательную доминанту, которые имеют одинаковый уровень активности.

В современный период, когда классовое господство уже не имеет явных основ, идеология обязана своим могуществом прежде всего отсутствием развитой способности к саморефлексии у общественного индивида. На социально-психологическом уровне идеология фактически отождествилась с

невротичным состоянием индивида, когда нарушение психической деятельности последнего создает препятствия для всех разновидностей его общения с другими людьми. «Индивидуальным прообразом идеологии является невротичное расстройство, на примере которого исследуется механизм нарушения коммуникации» [4, s.120].

Противоположностью государственно-идеологического господства является расширение сферы общественной дискуссии, предотвращение

25

деполитизации сознания человека и социальных групп. Если легитимизирующие господство нормы проявят в рациональной общественной дискуссии свою “идеологическую” неистинность, появляется возможность установления неидеологизованных, свободных от принуждения коммуникативных форм межчеловеческих отношений.

Проблемой проблем социальной системы являются не спонтанные процессы саморегуляции, не массовое применение социальной технологии путем идеологических манипуляций, в результате чего сложные и разнообразные пути социализации в современном обществе должны были бы быть заменены нерелексивной адаптацией индивида к требованиям системы, принудительным рациональным и бессознательным конформизмом. Заданием общества является поиск определения жизни в соответствии с потенциалом потребностей человека и объективных возможностей их удовлетворения. Возникает возможность решительного уменьшения рабочего времени (при условии адекватного уменьшения пропагандируемого системой культа потребления как цели жизни, а также возможность сочетания труда и игровой творческой деятельности, производства и наслаждения). «Солидарность вместо конкурентной борьбы, творческая чувственность вместо ее притеснения» [2, s.190]. Репрессивная культура и принципы эксплуатационного угнетения человека человеком не являются вечными и теряют свой необходимый характер в результате роста общественного производства, его технологизированной модернизации, которая является возражением идеям классического психоанализа о том, что свобода от угнетения является достижением только бессознательного, элементарных биопсихических явлений. Сила противоречия по отношению к обветшалой общественной системе может быть реализованной при условии, что использование объективных социальных предпосылок будет совмещаться с психо-антропологическими и культурными изменениями в индивиде. Именно достижения современной культуры и цивилизации создали предпосылки для постепенной ликвидации угнетения свободы человека в социальной и психической сферах. Создан такой уровень производства, при котором удовлетворение человеческих потребностей и количественно, и качественно может быть осуществлено без тех жертв, к которым вынуждает индивидов «принцип производства».

Воображение проявляется как фундаментальный ментальный процесс, который имеет ценность как таковой, независимо от того, как будут оценены его продукты с точки зрения репрессивной части разума. Такой симбиоз

рационально-бессознательного единства зависит от того, как воображение сохранило свободу, уклонившись от службы потребительскому «принципу реальности», правда, за счет признания продуктов деятельности свободы иллюзорными, не соответствующими «реальности». Способность к фантазии, воображению имеет возможность противостоять эксплуатационной реальности и угнетению через сравнение существующей реальности с собственными потерянными, но не уничтоженными, вытесненными в 26

бессознательное возможностями, реализация которых предусматривает возникновение свободы, денонсацию угнетения и господства.

Истинная ценность воображения касается не только прошлого, но и будущего – формы свободы и счастья, к которым она призывает, требуют освобождения исторической реальности. Она не только совмещает рациональные и бессознательные формы психического, но и направляет их на реализацию в социуме того содержания фантазий и утопий, которые будничному «одномерному» или «репрессивному» сознанию кажутся наиболее фантастическими и утопическими, именно в результате несоответствия пропагандируемой идеологиями картине реальности. Развитие цивилизации само предлагает мышлению понимание (в эволюционной или аффективной формах) необходимость ликвидации и трансформации экономико-идеологической реальности, невротичной по сути, с ее принципами производственности, идеалом потребления, товарным фетишизмом и репрессивным, потенциально шизоидным типом рациональности. Поэтому требование реализации утопии (как противоположности существующего господствующего социального и психического типа общественной реальности) уже не является утопическим, а, наоборот, обнаруживает «конец утопии» [9, s.188].

Истина фантазий является бесконечно высшей от «репрессивной истины» индустриального общества. «Социальная фантазия» сохраняет свои позиции в психике человека, которые приобретают особое значение, тогда, когда появляется вопрос об альтернативе существующему социально-экономическому укладу, о прорыве за пределы «континуума господства». Социальная фантазия с точки зрения конструирования социальной реальности не является сугубо витальным наслаждением, игрой, как это выглядит из позиций господствующей идеологии, а наоборот, как образ новой гармонии части и целого, желания и осуществления, счастья и ума. Социальная фантазия основывается на том, что «утопию» существующих систем является возможным и необходимым осуществить, что за иллюзорностью фантазийных образов скрывается реальный опыт преодоления человечеством и человеком враждебной его сущности действительности. Новые общественные и индивидуальные возможности заключаются именно в том, что они дают возможность царству свободы появиться и в царстве необходимости, — в труде, а не только по ту сторону (необходимого) труда. «Мы должны помнить о возможности движения и развития социализма не только от утопии к науке, но и от науки к утопии» [9,

s.70].

Преградой для осуществления «возможного» является существующий тип господствующих психических, а соответственно, социальных потребностей в поведении человека, которые формируются и возобновляются аппаратом общественно-идеологического управления. Поэтому рядом с трансформациями производственно-экономической и политической систем обязательно должна происходить трансформация потребностей человека.

27

Критическая социальная и психологическая теория должна со всей непредубежденностью устанавливать и обобщать скрытые интересы социальных групп, конкретизируя их, определяя, какие из них деформируют общественную коммуникацию, патологизируют психику, препятствуя достижению консенсуса. Обнаружить, какие сферы экономико-политического уклада продуцируют «мнимую консенсуальность» в форме «идеологической интеграции», приводя к вытеснению в бессознательное реальных социальных противоречий, результатом чего становятся индивидуальные психозы и *социальный невротизм*.

Общественным изменениям, социальной революции должна предшествовать революция в человеке, радикальное изменение структуры потребностей и системы технологии воспитания. Является необходимой трансформация потребностей, которая стала решающим фактором стабилизации, увековечения и воссоздания агрессивного и репрессивного общества. Под её влиянием человек рассматривает мир, ценности, самого себя и других людей как товары для обмена, как материю господства. Должны быть трансформированы не только социальные и политико-экономические институты, но и тоталитарные формы традиционной культуры, мировоззрения, которые способствуют идеологическому усилению социальной амнезии, потребительского иррационализма и дегуманизованного фетишизма потребления и господства. Борьба против эксплуатации, угнетения, трансформационные превращения в обществе являются прямо зависимыми от коренных изменений в психобиологической природе человека. Экономическое производство и социальное управление, исходя из этих заданий, должны основываться на новых ценностях. Для этого является необходимой «революция до революции» [1, s.212]. Создание нерепрессивной цивилизации прямо связано с изменением потребностей человека, которые, с одной стороны, будут приобретать более творческий, плодотворный характер, а с другой – будут сопровождаться десублимацией агрессивных инстинктов. В этом качественное отличие между свободным и несвободным обществом. Имеется в виду возможность социо- и самореализации, когда труд становится творчеством, игрой, где даже общественно необходимый труд может быть организованным гармонично, в соответствии с потребностями человека. В процессе устранения «отчужденного труда» репрессивная структура институтов должна испытать коренные изменения:

инстинктивная энергия должна стать свободной и стремиться превратить либидные отношения в универсальные общественные.

Является необходимым формирование и развитие «витальных потребностей в свободе», новой антропологически-психологической структуры человека, который предусматривает качественно другой способ существования людей. Именно непрерывность развитых в репрессивном обществе и удовлетворенных в нем потребностей является тем, что снова и снова воспроизводит репрессивное общество в самих индивидах. Даже в социальных революциях индивиды воспроизводят репрессивное общество,

28
отталкиваясь от господствующего типа потребностей, и это является именно той непрерывностью, которая препятствует прыжку от количественного потребительского к качественно свободному обществу. В условиях современного индустриального общества производительные силы достигли такого уровня развития, на котором они фактически самим своим существованием требуют новых потребностей, которые бы отвечали их возможностям. Возникает потребность победить репрессивные разрушительные инстинкты и влечения людей, найти их гуманистические, солидарные биопсихические потребности для качественного общественного развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1.Exner A. Die Grenzen des Kapitalismus : wie wir am Wachstum scheitern. Christian Lauk , Konstantin Kulterer. - Wien : Ueberreuter, 2008. - 223 S.
- 2.Exner A. (Hg.Ernst Lohoff). Losarbeiten Arbeitslos –Globalisierungskritik und die Krise der Arbeitsgesellschaft.–Müster: Unrast Verlag, 2010.-284 s.
- 3.Habermas J. Legitimationsprobleme im Späkapitalismus. - Frankfurt am Main:Suhrkamp Verlag,2002. -195 s.
- 4.Heinrich M. Wie das Marxsche Kapital lesen? Hinweise zur Lektüre und Kommentar zum Anfang von „as Kapital“. -Stuttgart: Schmetterling Verlag, 2009. - 288 s.
- 5.Jacoby R. Social Amnesia : A Critic of Conformist Psychology. – Boston:Campus Politics,2005.–219 p.
- 6.Jappe A. Die Abenteuer der Ware. –Müster: UNRAST-Verlag, 2005. - 253 S.
- 7.Kurz R. Schwarzbuch Kapitalismus. Ein Abgesang auf die Marktwirtschaft. München: Ullstein, 2009. - 456 s.
- 8.Laing R. The Divided Self. –Harvard:Darton, Longman and Todd. 2001. –341 p.
- 9.Marcuse H. Das Ende der Utopie. - Berlin: Verlag Neue Kritik, 1995. - 190 s.
- 10.Marcuse H. Kritik der reinen Toleranz. –Frankfurt a.M.:Suhrkamp Verlag , 1993. –127 s.

11. Marcuse H. Versuch über die Befreiung. – Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1989. – 133 s.
12. Mouffe Ch. and Laclau E. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. – London: Verso, 2001. – 240 p.
13. Reichelt H. Neue Marx-Lektüre. Zur Kritik sozialwissenschaftlicher Logik. – Hamburg, 2008. – 384 s.
14. Žižek S. Psychoanalysis and post-marxism. The Case of Alain Badiou / Žižek S. // The South Atlantic Quarterly. – Durham, Spring, 1998. – Vol. 97, № 2. – P. 235-261. – Available at:
www.egs.edu/faculty/zizek/zizek-psychoanalysis-in-post-marxism.html
15. Žižek S. The Ticklish Subject / Žižek S. ; The Absent Center of Political Ontology. – London: Verso, 2000. – P. 128-143. ___